

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 7

**Санкт-Петербург
2008**

М.Н. Химин

О преподнесении первых доспехов

Ахиллу

По сообщению Гомера, у Ахилла поочередно было два комплекта доспехов. Первые из них он получил во Фтии от Пелея, которому в свою очередь они были преподнесены олимпийскими богами на свадьбу (Ном. II. XVII, 195-197; XVIII, 84-85). Под Троей Ахилл передал эти доспехи Патроклу, и впоследствии в качестве победного трофея они были сняты Гектором с тела убитого героя. Тогда Фетида доставила Ахиллу вторые доспехи, выполненные, как и первые, Гефестом (Ном. II. XVIII). Как показал П. Какридис, сказание о вторых доспехах было создано Гомером, в то время как, по первоначальной версии мифа, у Ахилла был только один их комплект, полученный им во Фтии¹. Другой исследователь, Ф. Йохансен, верифицировал ряд вазописных памятников (вторая треть VI в. до н. э.), отражающих эту раннюю традицию в отличном от гомеровского сказания виде². В представленных сценах доспехи доставляет Ахиллу не Пелей, а Фетида с nereидами. В пользу того, что действие происходит именно во Фтии, а не под Троей, исследователь приводит следующие аргументы. Во-первых, в некоторые композиции включена фигура старца; в одной из них, на килике Лидоса (ок. 560 г. до н. э.), он назван Пелеем³, и по аналогии Ф. Йохансен заклю-

¹ Kakridis P. J. *Achilleus' Rüstung* // *Hermes*. 1961. Bd. 89. S. 288–29.

² Johansen F. *The Iliad in Early Greek Art*. Copenhagen, 1967. P. 91–127, 257–60.

³ В этой сцене Лидос изобразил также Неоптолема. По мифу, Пелей и Неоптолем не могли быть вместе во время отправления Ахилла под Трою, так как Неоптолем к этому моменту еще не родился. Поэтому присутствие сына Ахилла в сцене Ф. Йохансен аргументировано объясняет синоптическим характером построения композиции, то есть стремлением художника связать два различных временных события – уход на войну Ахилла и будущее участие в этой войне его сына.

чает, что в других композициях подобным старцем также является Пелей. Во-вторых, в ряде сцен изображены иконографические детали – арибал и венки, принесенные nereидами Ахиллу, которые характерны именно для изображений проводов воина.

Литературными свидетельствами, отражающими догомеровскую версию сказания, по мнению Ф. Йохансена, являются два пассажа Еврипида. В трагедии «Электра» в первом стасиме говорится, что «Nereiды, оставляя вершины Евбеи, // Место щитоделных трудов, с наковален // Золотых Гефеста унесли доспехи // Через Пелион, по вершинам // Осы, через священные горные леса // Горных нимф, // Дев непорочных, устремились туда, где отец // Всадник вырастил славу Эллады // Рожденного от морской богини Фетиды // Быстроногого в помощь Атридам»⁴ (Νηρηίδες δ' Εὐβοΐδας ἄκρας λιποῦσαι // μόχθους ἀσπιστὰς ἀκμόνων // Ἠφαίστου χρυσεῶν ἔφερον τευχέων, // ἀνά τε Πήλιον ἀνά τε πρῦν - // μινὰς Ὕσσοσας ἱερᾶς νάπας // Νυμφαΐας σκοπιὰς // κόρας μάτευσ' ἔνθα πατὴρ // ἰππότας τρέφεν Ἑλλάδι φῶς // Θέτιδος εἰνάλιον γόνον // ταχύπορον ποδ' Ἀτρείδαίς. Eur. El. 443-451). В другой трагедии – «Ифигения в Авлиде» – сообщается о том, как Аполлон на свадебном пиру Пелея и Фетиды предсказал, что Ахилл во главе мирмидонян отправится под Трою и будет разорять земли Приама, и что герой облачится в золотые доспехи, выполненные Гефестом и преподнесенные ему матерью (Eur. IA. 1068–1075). В дополнение к этим указаниям Еврипида Ф. Йохансен также приводит сообщение более позднего автора, Филострата, рассказывающего, что Фетида всячески заботилась об Ахилле на острове Скирос, а затем, когда ахейское войско собралось в Авлиде, привела его во Фтию, подарила ему оружие и сопровождала до Авлиды (Philostr. Her. 198 k)⁵.

⁴ Перевод построчный.

⁵ Ф. Жуа (Jouan F. Euripide et les légendes des chants cypriens. Paris, 1966. P. 220) и вслед за ним С. Лоуенстам (The Arming of Achilles on Early Greek Vases // CA. 1993. Vol. 12. № 2. P. 208) высказали мнение, что римский писатель опирался в этом рассказе на произведение Еврипида – «Электра». Однако такая гипотеза малоубедительна. Во-первых, Филострат рассказывает о преподнесении доспехов в контексте других событий, о которых Еврипид умалчивает: пребывания Ахилла на острове Скирос и дальнейшего его отправления сначала во Фтию, а затем – в Авлиду. Во-вторых, Еврипид говорит о nereидах, принесших доспехи во Фтию, а Филострат – только о Фетиде. Иными словами, различие между двумя авторами слишком большие, чтобы с достаточной долей основания высказывать утверждение о каком-либо заимствовании.

В дальнейшем гипотеза Ф. Йохансена была принята большинством ученых и на сегодняшний день является общепринятой⁶. В самом деле, трудно себе представить, чтобы Фетида, всегда проявлявшая заботу о сыне, оказалась безучастной в преподнесении доспехов – центральном действии проводов Ахилла на войну. Однако, если существование самой традиции, согласно которой первые доспехи были принесены не Пелеем, а Фетидой⁷, представляется впол-

⁶ Kossatz-Deissmann A. *Dramen des Aischilos auf westgriechischen Vasen*. Maiz, 1978. S. 14–15; idem. *Achilleus* // LIMC. 1981. Bd. 1. S. 71–72, 122; Cook R. M. *Art and Epic in Ancient Greece* // BABesch. 1983. Bd. 58. S. 2; Snodgrass A. *Homer and the Artist. Text and Picture in Early Greek Art*. Cambridge, 1987. P. 144–145, 149; Burgess J. *The Tradition of the Trojan War in Homer and the Epic Cycle*. Baltimor-London, 2001. P. 40. Schefold K. *Gods and Heroes in Late Archaic Greek Art*. Cambridge, 1992. P. 214; Carpenter T. H. *Art and Myth in Ancient Greece*. London, 1996. P. 199–200, 204; Boardman J. *Athenian Black Figure Vases*. London, 1997. P. 229; С. Миллер также считает, что, возможно, художники, изображая nereid, несущих доспехи Ахиллу, опирались на эпическую традицию; в то же время исследовательница не исключает вероятности, что источником для этих сцен явился народный фольклор. Поэтому, по ее замечанию, вопрос об источнике для вазописных сцен и пассажа Еврипида из *Электры* должен считаться открытым (Miller S. *Eros and Arms of Achilles* // AJA. 1986. Vol. 90. P. 161–162). М. Эдвардс допускает возможность существования отличной от гомеровской традиции, хотя при этом полагает, что аргументы Ф. Йохансена не являются достаточно убедительными (Edwards M. W. *Neanalysis and Beyond* // CA. 1900. Vol. 9. P. 317–318; idem. *The Iliad: A Commentary*. Gen. ed. G.S. Kirk. Vol. V: books 17–20. Cambridge, 1991. P. 156–157). Дополнительную литературу по этому вопросу см.: Barringer J. M. *Divine Escorts. Nereids in Archaic and Classical Art*. Ann Arbor, 1995. P. 19–20. Неудачную попытку опровергнуть гипотезу Ф. Йохансена предпринял С. Лоуенстам, предположивший, что выделенные исследователем памятники представляют собой сцены преподнесения вторых доспехов (Lowenstam S. *Op. cit.* P. 199–218). По вопросу критики отмеченной работы С. Лоуенстама см.: Snodgrass A. *Op. cit.* P. 149.

⁷ Наиболее интересное предположение относительно возможной причины появления гомеровской версии мифа о преподнесении доспехов Пелеем Ахиллу высказал М. Эдвардс. Как заметил исследователь, в результате разработки сказания о вторых доспехах оказалось, что Фетида дважды просила Гефеста об одном и том же – сделать доспехи для ее сына. Поэтому, чтобы избежать такого нежелательного повторения, Гомер, создал новое сказание, согласно которому Пелей вручил Ахиллу доспехи, подаренные ему на свадьбу (Edwards M. W. *Op. cit.*). Куда менее убедительной, хотя и весьма оригинальной, является гипотеза М. Девиса. По его мнению, в первоначальной версии сказания Фетида доставила доспехи Ахиллу на остров Скирос. В пользу такой локализации события, считает

не вероятным, то участие nereид и их значение в этом сказании вызывает ряд вопросов, требующих специального рассмотрения.

Сообщение Еврипида о доставке доспехов nereидами кратко и лишено каких-либо подробностей. И все же мы с полным основанием можем сделать несколько коннотаций к этому пассажию. Во-первых, хотя Фетида не называется у трагика в качестве действующего лица, ее участие в описываемом событии, вне всякого сомнения, подразумевалось имплицитно, поскольку фиас nereид без Фетиды не мог быть по сути своей. Во-вторых, указание афинского трагика, что nereиды во главе с Фетидой взяли у Гефеста доспехи, подразумевало, что они вместе их и преподнесли Ахиллу. И в третьих, так как Фетида должна была просить Гефеста изготовить доспехи и забрать их в один и тот же приход, значит, что nereиды сопровождали сестру не только на обратном пути во Фтию, но и на Евбею к Гефесту.

Таким образом, суммируя вышесказанное, можно заключить, что если Еврипид в рассматриваемом нами пассаже опирался на какую-то эпическую традицию, то согласно этой традиции, Фетида вместе с сестрами пришла к Гефесту и просила его изготовить доспехи для сына, а когда работа была завершена, они взяли доспехи и вместе доставили их Ахиллу.

В таком виде это сказание оказывается глубоко отличным от сообщения Гомера о втором преподнесении доспехов. Согласно Илиаде, Фетиду, отправившуюся утешить скорбящего по убитому Патроклу сына, сопровождал сонм nereид, но по прибытии под Трою они остались на берегу, и в шатер к Ахиллу Фетида пришла одна; одна она и отправилась от Ахилла к Гефесту на Олимп и оттуда принесла сыну доспехи (Ном. II. XVIII). Как видно, сопровождение nereид у поэта не включало в себя посещения ни Ахилла, ни Гефе-

исследователь, свидетельствует сцена преподнесения первых доспехов на вазе мастера Лидоса. Композиция включает в себя изображения Пелея, Ахилла, Фетиды и Неоптолема. Буквально эту сцену понимать нельзя, поскольку Неоптолем и Пелей не могли быть вместе в момент отправления Ахилла под Трою (см. прим. 3). В этой связи М. Девис полагает, что Пелей символизирует собой бывшего владельца доспехов, в то время как Неоптолем конкретизирует место действия – остров Скирос. Как замечает исследователь, для Гомера такое сказание было неприемлемым, поскольку, согласно кодексу чести эпических героев, отказ от участия в войне являлся проявлением трусости. Поэтому, чтобы избежать мотива скрывания Ахилла на Скиросе, поэт, по утверждению М. Девиса, изменил миф, в результате чего Ахилл получил доспехи от Пелея во Фтии (Davies M. *The Hero and his Arms // Greece and Rome*. 2007. Vol. 54. P. 153).

ста. Разговор матери с сыном и доставка доспехов носили глубоко личный характер, так что участие nereид в обоих случаях было бы излишним⁸ и только умаляло бы значение Фетиды в этом событии. То же самое можно сказать и о первом преподнесении доспехов.

Кроме того, просить о создании доспехов Фетида должна была наедине с Гефестом, в виду того, что в древнегреческих сказаниях герой или героиня просят о личном всегда без посторонних лиц. Приведем несколько примеров из Илиады. Так Гомер подчеркивает, что Ахилл сидел в одиночестве на берегу океана, когда к нему пришла мать, и он обратился к ней с просьбой заступиться за него перед Зевсом (Ном. II. I, 349), а Фетида предстала перед Зевсом, когда увидела, что он один восседает на Олимпе (Ном. II. I, 498). В такой ситуации nereиды не могли войти к Гефесту вместе с Фетидой, поскольку, чтобы обратиться к нему с просьбой, она должна была остаться с ним наедине. И здесь естественным образом встает вопрос, каким образом тогда они могли взять доспехи? Правда, можно было бы предположить, что Еврипид не совсем точно передает традицию, согласно которой Гефест вынес доспехи из кузницы, но и тогда представляется странным, почему он отдал их nereидам, а не самой Фетиде. И, наконец, следовало бы ожидать, что в сказании первые доспехи, как и вторые, были взяты и доставлены тем, кто просил их создать, то есть самой Фетидой.

Принимая во внимание вышесказанное, трудно представить, чтобы в эпической традиции nereиды действительно фигурировали в качестве действующих лиц, но если они все же участвовали в этом сказании, о чем еще будет идти речь ниже, то только в качестве эскорта на пути следования Фетиды к Ахиллу.

Вероятно, Еврипид заимствовал мотив доставки доспехов Ахиллу nereидами у Эсхила⁹. В трагедии «Nereиды», входившей в трилогию, которая включала в себя также трагедии «Mирмидонцы» (первая часть) и «Фригийцы» или «Выкуп Гектора» (третья часть)¹⁰, он ввел фиас в сказание о преподнесении вторых доспехов. Судя по

⁸ К этому следует добавить, что «лишними» nereиды были бы и на Олимпе.

⁹ Такое предположение уже было высказано В. Н. Ярхо. Однако в своих рассуждениях отечественный исследователь исходил из предпосылки, что у древних греков существовала только одна традиция о преподнесении первых доспехов – та, которая отражена у Гомера. Соответственно, его мнение не может считаться обоснованным.

¹⁰ Публикацию сохранившихся фрагментов этой трилогии см.: Radt S. *Tragicorum Graecorum fragmenta*. Göttingen, 1985. Frs. 131–142, 150–154, 263–

иконографическим свидетельствам – многочисленным изображениям сцены преподнесения доспехов, созданных по мотивам трагедии Эсхила, – а также указанию Аристофана, высмеивающего молчание Ахилла, в котором пребывает герой на протяжении четырех песен в трагедии «Мирмидоняне» (Aristoph. Ran. 913–920), эта трилогия была широко известна в Афинах. Заимствуя, таким образом, хорошо известный афинянам эсхиловский мотив фиаса, Еврипид, возможно, стремился достичь «декоративного» эффекта. Отсылка на несущих доспехи nereид придает сюжету большую выразительность и согласуется со следующим за ним описанием отплытия ахейского войска из Авлиды, в котором также указываются nereиды, провожающие Ахилла под Трою (Κλειναὶ νᾶες, αἶ ποτ' ἔμβετε Τροίαν // τοῖς ἀμετρήτοις ἔρετμοῖς, // πέμπουσαι χοροὺς μετὰ Νηρήδων // ἴν' ὁ φίλαυλος ἔπαλλε δελφῖς πρῶραις κβαιμβόλοισιν // εἰλισσόμενος, // πορεύων τὸν τᾶς Θέτιδος // κοῦφον ἄλμα ποδῶν Ἀχιλλῆ // σὺν Ἀγαμέμνοιν Τρωάας // ἐπὶ Σιμουντίδας ἀκτάς. Eur. El. 434–441)¹¹.

На первый взгляд, высказанное нами мнение противоречит вазописным изображениям, которые, как было уже сказано, представляют nereид несущими доспехи наряду с Фетидой. Однако едва ли можно полагать, что этот иконографический материал точно отражает мифологическую традицию. Если Эсхил использовал мотив фиаса в трагедии в виду того, что один актер, игравший роль Фетиды, не мог унести всю паноплию, включающую в себя панцирь, поножны, шлем и щит¹², то вазописец также не мог изобразить Фетиду, обвешенную с головы до ног доспехами¹³.

172. По вопросу реконструкции сюжета трилогии «Nereides» на основе дошедших до наших дней фрагментов, а также иконографических свидетельств см.: Döhle B. Die «Achilleis» des Aischylos in ihrer Auswirkung auf die attische Vasenmalerei des 5. Jahrhunderts // Klio. 1967. Bd. 49. P. 63–149.

¹¹ Такая наша оценка согласуется с мнением Ф. Жуа, отнесшего рассмотренный пассаж из «Электры» к мифотворчеству Еврипида (Joan F. Op. cit. P. 222).

¹² В отличие от трагика, вынужденного соотносить текст с разворачивающимся на сцене действием, эпический поэт имел возможность сообщить слушателю о том, что Фетида одна принесла Ахиллу все доспехи, не поясняя, каким образом она это сделала (Hom. II. XVIII, 616–617; XIX, 1–3). Ср. подобные указания Гомера на то, что герой взял зараз четыре щита и восемь копий или двенадцать больших щитов, столько же копий и медных шлемов (Od. XXII, 110–113; 144–145).

¹³ Й. Берринжер предположила, что изображения фиаса nereид в рассмотренных сценах связаны с идеей перехода героя в загробный мир

Поэтому он по необходимости вводил в композиции целый эскорт nereид, каждая из которых несла один из доспехов¹⁴.

В свете высказанного нами утверждения о заимствовании Еврипидом мотива доставки доспехов nereидами у Эсхила необходимо отметить, что эклектизм первого стасима «Электры» свойственен не только рассказу о преподнесении доспехов, но и их описанию. Как справедливо отмечает С. Лоуенстам, и независимо от него один из крупнейших отечественных исследователей древнегреческой трагедии В. Н. Ярхо, в «Электре» Еврипид допускает контаминацию сведений, относящихся к двум различным щитам: с одной стороны он сообщает о Фтии как месте преподнесения первых доспехов, а с другой указывает, что на щите было изображено созвездие ярких Гиад и Плеяд, сияние которых заставило повернуть в бегство Гектора, что выступает в качестве реминисценции описания второго щита в «Илиаде»¹⁵. Кроме того, Еврипид, перед тем как перейти к описанию щита, говорит, что о нем ему рассказал некий навплиец, видевший когда-то это божественное творение в гавани (El. 452-53). Подобная ссылка на третье лицо в качестве источника сведений, по замечанию В. Н. Ярхо, объясняется отсутствием эпической традиции описания данного доспеха.

В завершение анализа рассматриваемой проблемы необходимо коснуться еще одного источника, а именно описания ларца Кипсела, приведенного Павсанием. Греческий историк II в. н. э. сообщает, что на этом ларце были изображены «и колесницы, запряженные парами лошадей с золотыми крыльями, и женщины, стоящие на этих колесницах, и человек, дающий доспехи одной из женщин. Все это определяет сцену как относящуюся к смерти Патрокла: ведь nereиды находятся на колесницах, а Фетида берет доспехи у Гефеста. В самом деле, тот, кто дает доспехи, является хромым, а за ним следует слуга со щипцами для огня. О кентавре же говорят, что это Хирон, уже покинувший людей и удостоившийся жить сре-

(Barringer J. M. *Op. cit.* P. 44–48). Такое понимание, однако, осложняется тем, что, как показал анализ ряда изображений преподнесения вторых доспехов IV в. до н. э., проведенный той же исследовательницей, фиас nereид в качестве эскорта героя при его переходе в загробный мир неразрывно связан с мотивом водного пути, отсутствующего в этих памятниках (*Ibid.* P. 95 – 109; *eadem.* *Europa and the Nereid: Wedding or Funeral?* // *AJA* Vol. 95 No 4. 1995. P. 657-667).

¹⁴ Edwards M. W. *Neoanalysis*... P. 319; Lowenstam S. *Op. cit.* P. 212–213.

¹⁵ Ярхо В. Н. *Примечания // Еврипид. Трагедии. Пер. И. Анненского.* М., 1999. Т. 2. С. 672.

ди богов, пришел сюда, чтобы облегчить печаль Ахилла» (ἐξῆς καὶ ἵππων συνωρίδες καὶ γυναῖκες ἐπὶ τῶν συνωρίδων εἰσὶν ἐστῶσαι: πτερὰ δὲ τοῖς ἵπποις χρυσᾶ ἔστι, καὶ ἀνὴρ δίδωσιν ὄπλα μιᾷ τῶν γυναικῶν. Ταῦτα ἐς τὴν Πατρόκλου τελευτὴν ἔχειν τεκμαίρονται: ιηρηίδας τε γὰρ ἐπὶ τῶν συνωρίδων εἶναι καὶ Θέτιν τὰ ὄπλα λαμβάνειν παρὰ Ἥφαιστου. Καὶ δὴ καὶ ἄλλως ὁ τὰ ὄπλα διδοὺς οὔτε τοὺς πόδας ἔστιν ἐρῥωμένος καὶ ὄπισθεν οἰκέτης ἔπεται οἱ πυράγραν ἔχων: λέγεται δὲ καὶ ἐς τὸν κένταυρον ὡς Χίρων, ἀρηλλαγμένος ἦδη παρὰ ἀνθρώπων καὶ ἠξιωμένος εἶναι σῖνοικος θεοῖς, ῥαστώνητινὰ ἦκοι τοῦ πένθους Ἀχιλλεῖ παρασκευάσων. Paus. V, XIX, 8–9).

В научной литературе традиционно принято считать, что описанный Павсанием памятник представляет собой изображение преподнесение первых доспехов¹⁶. Однако такая интерпретация вызывает серьезные возражения. Сам греческий историк определяет увиденную им сцену как передачу Гефестом вторых доспехов. Случайно ли это? Если первые доспехи Фетида доставила вместе с nereидами, следовало бы ожидать, что Павсаний знал это сказание. Такое предположение тем более правомерно, что этот сюжет был описан в поэме «Киприи», а Павсаний был знаком с данным произведением и не раз на него ссылался (III, 16, 1; IV, 2, 7; X, 26, 1, 4; 32, 2). В такой ситуации историк столкнулся бы с проблемой определения, какие именно доспехи Гефест преподносит Фетиде – первые или вторые, так как в этом случае оказалось бы, что оба комплекта доспехов, по двум мифологическим традициям, Фетида приносила Ахиллу вместе с сестрами¹⁷. Однако у самого Павсания при определении сюжета встал только один вопрос: являлась ли эта сцена изображением передачи Гефестом доспехов Фетиде, в то время как вопрос, какие именно это доспехи, у него вовсе не возник. Если же предположить, что Павсаний не знал эсхиловскую традицию о преподнесении Ахиллу вторых доспехов, тогда тем более присутствие в сцене nereид должно было выступать надежным критерием определения памятника как изображения первых доспехов.

¹⁶ Miller S. Op. cit. P. 161 (с указанием литературы по этому вопросу).

¹⁷ Сообщения Гигина (Tum contra Hectorem cum inermis prodisset. Thetis mater a Vulcano arma ei impetravit quae Nereides per mare attulerunt, Hyg. Fab. 106) и Плавта (Tum ille prognatus Theti sine [arma] perdat [Hectorem?]: alia [arma] apportabunt ei Nerei filiae, Plaut. Epidic. I, 33–34) позволяют говорить о том, что представление о nereидах, доставляющих вторые доспехи Ахиллу, после Эсхила стало традиционным.

Следует полагать, что изображение nereид на крылатых колесницах – это исключительно художественная инновация, так же как и изображение помощника Гефеста и Хирона. Можно ли себе представить, чтобы эпический поэт, описывая сцену передачи Гефестом доспехов Фетиде, рассказывал еще и о каком-то помощнике со щипцами и кентавре, не имеющем никакого отношения к самому действию! В этой связи объяснение, данное Павсанием относительно изображения Хирона, является весьма наивным, так как для того, чтобы успокоить Ахилла, ему вовсе не требовалось приходить к Гефесту. Таким образом, вопрос о том, преподнесение каких именно доспехов было изображено на ларце Кипсела, следует считать открытым. Нельзя исключать возможности, что художник изобразил свадьбу Пелея и Фетиды, на которой Гефест преподнес доспехи в качестве дара невесте¹⁸. Однако, если все же представленная на ларце сцена является изображением первых доспехов, и если художник, включая в композицию nereид, опирался на источник, то в этом случае рассматриваемый памятник свидетельствует в пользу того, что nereиды составляли только эскорт, но участия в преподнесении доспехов не принимали. Сделать такое заключение позволяет тот факт, что Гефест, по словам Павсания, передает оружие одной лишь Фетиде, в то время как ее сестры стоят в качестве сопровождающих ее лиц.

Подведем итог вышесказанному. Ни пассаж Еврипида, ни вазаписный материал, ни описание Павсания не дают основания полагать, что согласно мифологической традиции nereиды преподносили первые доспехи Ахиллу. Такое понимание мифа отвечает логике разворачивающегося в нем действия: Фетида доставляет доспехи сыну, проявляя о нем материнскую заботу, и включение в это повествование еще и nereид было бы просто излишним и никак не обоснованным.

M.N. Khimin

The first Arming of Achilles

By Johansen's opinion that there was an ancient tradition according to that Thetis with Nereids brought the first armour from Hephaestus to Achilles. But the analysis of evidences has been carried out by us – Euripides' passage of «Electra», the iconographical monuments and

¹⁸ Edwards M. W. Op. cit. P. 319.

Pausanias' description of Kupselos' chest on that Johansen bases their hypothesis allows to conclude that Nereids, if they really appeared in a myth, just escorted Thetis to Achilles, but didn't brought the first armour to hero.

